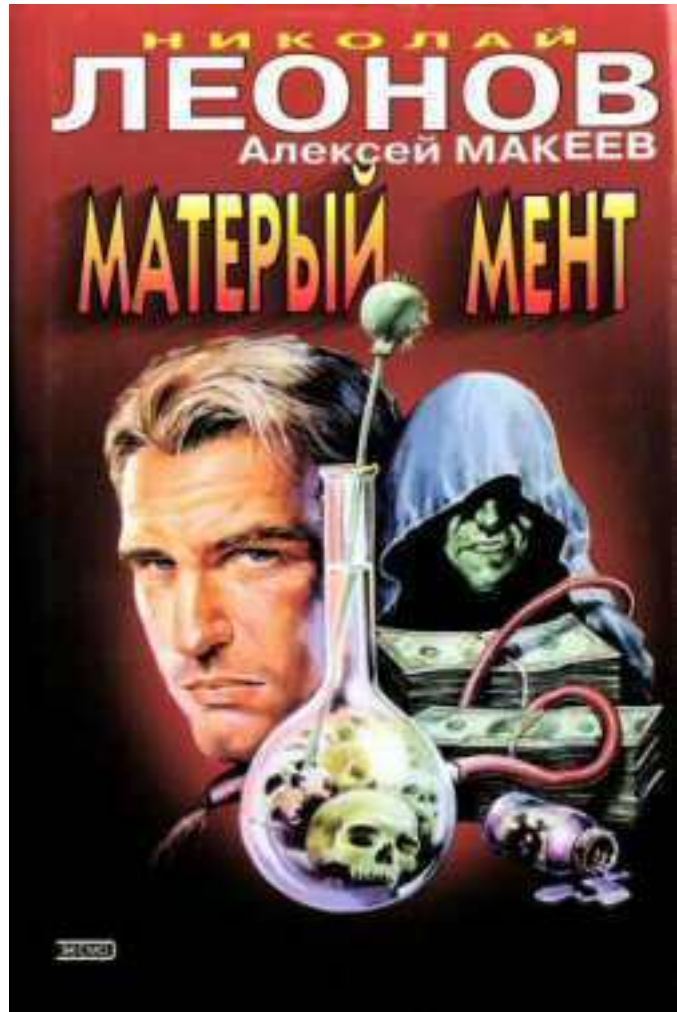


НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

МАТЕРЫЙ МЕНТ



ИИИИ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Капитан пиратского брига

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Капитан пиратского брига / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

© Леонов Н. И.
© Научная книга

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Иванович Леонов Алексей Викторович Макеев Капитан пиратского брига

Пролог

Пожилой бомжик, вторую неделю мыкавший горе в проржавевшем, почти насквозь заброшенном плацкартном вагоне на запасных путях за Каланчевскими пакгаузами Ярославского вокзала, насторожился. Кто-то, постанывая, тяжело дыша, медленно карабкался по входной лесенке.

Своих соседей – двоих таких же несчастных, обездоленных бродяг – он, оставшийся сегодня за «дежурного по кухне», так рано с промысла не ожидал. Да и узнавал их, как в песенке поется, «по походке». Нет, это не они. Менты-линейщики? Плановая облава? Но человек, похоже, был один. И с чего бы менту стонать да охать?

Он достал из-под покореженной багажной полки ржавый обрезок дюймовой трубы, прикинул его в руке и, обхватив обмотанный растрепанной изолентой конец, направился к двери вагона. «Побирушка какой-нибудь, алкаш или еще хуже – потаскуха вокзальная, – решил он. – Но нам тут посторонние без надобности, сами чудом нашли эту норку, а на дворе ноябрь! Если вести себя тихо, как мышь под веником, есть шанс пересидеть зиму под худой, а все же крышей... Гнать всех, пусть ищут другое место!»

Дверь, как раз на такой случай примотанная куском толстой проволоки, задержалась. Стоны стали сильнее.

Бомж пожал плечами, поудобнее перехватил свою дубинку и двумя движениями размотал импровизированный «запор». Потом резко толкнул тяжелую дверь наружу.

Открывшаяся дверь буквально смела с верхней ступеньки лесенки молодого паренька. В сгущающихся сумерках лицо упавшего проступало молочно-бледным, бескровным пятном, на котором выделялись громадные, широко раскрытые глаза с неестественно расширенными зрачками. На парне была потрепанная камуфляжка с крупно нарисованной аляповатой эмблемой: расправившим крылья белым орлом. Это сочетание белого лица и белого силуэта на куртке почему-то показалось бомжику особенно жутким.

Парень с трудом привстал на колени, застонал и, подняв лицо, глядя прямо в глаза растерявшемуся бродяжке, сказал с удивительной, завораживающей и счастливой уверенностью:

– Брат мой! Возрадуйся! – и ткнулся лицом в грязный «собачий» ящик днища вагона. Потерял сознание.

Плохо соображающий, обалдевший бомж спрыгнул вниз, наклонился над лежащим и только тогда заметил, что правая штанина у того густо подплыла свежей кровью. Вот беда-то! А если помрет? Ментовня на них повесит, это ж как пить дать!

Бомжик подхватил парня под мышки и, удивляясь птичьей легкости его тела, потащил в вагон. Он был всего лишь бомжом, не убийцей, а оставить потерявшего сознание раненого в луже, на вечернем ноябрьском ветру значило попросту убить его.

Но вот когда из кармана куртки спасенного паренька – не мог «спаситель» карманы не обшарить! – он вытащил жуткого вида, явно боевой, не газовый, пистолет... Тут ему стало худо. Такого найденыша, ясное дело, просто так уже под вагон не выкинешь. По-любому – «крутой». Кенты его узнают... или наоборот... Долго умирать будешь! Придется последним бульончиком отпаивать: Gallina Blanca, аккуратно три кубика осталось. Перевязать опять же! А чем?

«И навязался ведь ты на мою голову!» – тоскливо подумал несчастный бомжик...

* * *

Жизнь сыщика – особенно высокого класса – отличается от жизни обычных людей. У Льва Ивановича Гулова, старшего оперуполномоченного Главного управления Уголовного розыска МВД РФ, выходные случались редко, только если текущее дело близилось к завершению, а новое еще не было начато. Но как раз сегодня – в дождливый хмурый субботний вечер начала ноября – Гулов мог позволить себе расслабиться. В конце недели он со своим ближайшим другом и соратником Станиславом Крячко завершил-таки долгую и трудную оперативную работу: двое подозреваемых в убийстве сидели в камере СИЗО. Теперь очередь за следствием, сыщики свое сделали!

Его жены – Марии Строевой, весьма популярной актрисы одного из московских театров – дома не было: как и Гулов, она не считалась с выходными, когда дело касалось любимой работы. Настоящие большие актеры – люди творческие, им тоже календарь не писан. С другой стороны, в профессии сыщика высокого полета доля творчества, интуиции, вдохновения очень и очень велика, так что Лев Гулов и его жена хорошо друг друга понимали.

Лев поудобнее устроился в кресле, подвинул поближе чашку крепкого «Липтона» и приготовился слушать совсем недавно купленный компакт-диск «Soup», последний альбом «Blind Mellon». Он не был большим знатоком современного рока, но эта группа ему нравилась, ребята откровенно ориентировались на традиции семидесятых... Каждая песня – не больше пяти минут, с запоминающимся риффом. И все прочее, что полагается хорошему рок-н-роллу. Без этого тоскливого металлоидного однообразия.

Гулов усмехнулся, вспомнив, как удивлена была Мария, когда на ее недоуменный вопрос о странноватом названии группы он растолковал ей, что это не «Слепая дыня», а «Крупный выигрыш». Их музыкальные вкусы не совпадали – жена предпочитала, что называется, серьезную оперную музыку: Митлофа, Саймона ле Бона, Майкла Болтона... Про себя Гулов называл все это стилем «не тяни когтя за хвост». Они с Марией вообще были очень разными, но любили друг друга и умели уважать чужие вкусы. Расходясь во многом, они почти всегда совпадали в оценке других людей, их поступков и характеров. Может быть, именно поэтому Лев Гулов считал свою семейную жизнь удавшейся.

В двери повернулся ключ.

Лев отключил музыкальный центр и вышел в коридорчик встретить уставшую после репетиции Марию.

– Что, сыщик? – По ее голосу сразу чувствовалось, что она соскучилась по дому, по мужу и тоже хочет на время забыть о любимой, но такой нервной работе. – Некультурно отдыхаем?

– Замерзла небось? – спросил Гулов, помогая ей раздеться. – Погано сейчас на улице, поздняя московская осень – бр-р...

Пока Лев разогревал ужин, Мария переделась и вышла к нему на кухню. Если она была не на гастролях, в их доме всегда водилось что-нибудь вкусненькое – Мария любила и умела готовить. Умел и Гулов, но не любил, а готовить что-нибудь сложнее купленных в соседнем продуктовом магазинчике пельменей для себя одного считал полным nonsensом. Забавно, что над трогательной любовью Льва Ивановича к пельменям втихую похихикивали в управлении, а тон задавал, конечно же, лучший друг – Станислав Васильевич Крячко.

– Что это ты кислая такая, подруга? – поинтересовался Гулов, наливая жене чай. – Неужели опять с режиссером поцапались?

– О господи! – Мария изобразила преувеличенное отчаяние и сразу же рассмеялась. – Выходи вот замуж за такого Эркюля Пуаро! Ничего не скроешь! Нет, на этот раз ты пальцем в небо угодил – с Рашевским я не ссорилась, он меня теперь боится. Просто интересно: за кого меня принимают эти дебилы с телевидения? Представляешь, опять приходили в театр

и предлагали сниматься в ролике! Йогурт «Райское наслаждение» рекламировать! Меня от одного слова «йогурт» рвать тянет. Кефир надо называть кефиром и с дрянью всяческой его не смешивать. Ну, я этим деятелям выдала, при всей трупше.

– Нашла на что внимание обращать. – Лев пожал плечами. – У каждой медали две стороны, это лишнее подтверждение твоей известности, популярности...

– Сказала бы я, где такую популярность видела, – возмущенно фыркнула Мария, – да вот тебя стесняюсь!

– Шут с ней, с рекламой, – продолжал Лев, – но тебе и в серьезном кино что-то, помнится, предлагали. Тоже ведь отказалась.

– Милый. – Голос Марии просто сочился иронией. – Одна из величайших русских актрис и умная притом женщина, Фаина Григорьевна Раневская, сказала как-то, что играть роли, предлагаемые ей в кино, – это все равно что плавать баттерфляем в унитазе. Я, конечно, не Раневская, не доросла пока, но... В таких заплывах тоже не участвую!

Лев весело рассмеялся, представив свою супругу... м-да!

* * *

В недавно отстроенном особняке, расположенном в самом центре старинного русского города, а ныне губернского центра Славояра, этот ноябрьский вечер складывался совсем по-другому. Хозяин дома – Виктор Владимирович Баранов, крепкий темноволосый мужчина лет сорока – ссорился со своей женой Ириной. Ссора протекала вяло: ее причины успели основательно приесться участникам, слишком уж часто они за последний год повторялись – занудно и предсказуемо, как узор на обоях.

Баранов больше всего на свете хотел сейчас оказаться где угодно, лишь бы подальше от собственного семейного гнездышка, – в депутатском клубе, бильярдной, принадлежащем ему ресторане «Север»... Однако он ожидал важного звонка из столицы. До Москвы было недалеко – всего-то двести с небольшим километров, – и можно, конечно, принять сообщение на мобильник. Но Виктор Владимирович доверял сотовой связи меньше, чем стоящему в кабинете, куда пять минут назад зашла Ирина, аппарату: в него он лично поставил дорогой японский VC-ник и не опасался прослушки. Сообщение могло быть передано и по e-mail, а реагировать на него надо было сразу – чем скорее, тем лучше. Приходилось терпеливо ждать, вяло отругиваясь от супруги.

Ирина еще пыталась заводить себя, поднять эмоциональный настрой, разозлиться по-настоящему:

– Виктор, ты меня ставишь в идиотское положение. И себя, кстати, тоже. Мало того что твоя очередная подстилка моложе тебя на двадцать лет и вполне могла бы дочкой нашей быть, так она еще и глупа, как пень! Кабаки, театры, позавчерашний скандальный прием в немецком консульстве... Не слишком ли, а? Я куда живая, между прочим. Появляясь с ней на людях, да еще так демонстративно, ты меня унижаешь! Мне скоро в глаза знакомые смеяться начнут! Сколько же можно?!

– Завела бы ты, Ира, себе любовника... – Баранов лениво потянулся и с откровенной насмешкой посмотрел на стоящую перед ним женщину. – Давай я тебе денег дам, если даром ты никому не нужна. Хочешь?

– Какой же ты все-таки скот. – Она сказала эту, видимо, привычную фразу совершенно ровным голосом, как будто о погоде за окном осведомилась. – Думаешь, ты так уж мне необходим? Но ведь развестись по-хорошему ты не согласишься, и я знаю – почему.

Тут она врала. Баранов был необходим Ирине. Она, прожив с ним шестнадцать лет, все еще любила мужа и просто так, без борьбы, отдавать его не собиралась.

– И почему? – столь же лениво поинтересовался Виктор. Разговор стал занимать его. Действительно, интересно, что у этой клуши в голове.

– Ты же спишь и видишь, как бы пробраться в Госдуму. Городской и областной тебе уже мало. Твои махинации стали такими, что защиты может не хватить, о твоих темных делишках судачит весь город, да и я не слепая. Вот и трусишь, что развод помешает.

– Неумная ты женщина, Ирочка, – мягко возразил Баранов. – В Думу я по-любому пройду. И по партийным спискам, так что...

– Значит, боишься, что твой обожаемый лидер тебя в эти списки не внесет, ему репутацию своей команды портить не хочется. Господи! С кем ты связался! А вот если впрямь пролезешь в законодатели, тут ты меня и выгонишь. Натравишь своего Честаховского – он за хорошие деньги на родную маму дело состряпает. Таких адвокатов надо из коллегии поганой метлой гнать! Но сына я тебе не отдам!

– Слава богу, ты пока не возглавляешь коллегию. Да и позабыла все на свете. Ты после окончания юрфака и двух лет не работала. – Виктор по-прежнему оставался невозмутим. – А что до остального, то если дойдет до развода – не я буду в этом виноват. Сашке скоро пятнадцать, он взрослый парень, сам решит, с кем оставаться. Уверена, что он выберет тебя?

– Что, думаешь, и сына купил? Думаешь, все на свете продается?

– Думаю, – кротко, чуть ли не нежно ответил Баранов. – И тебе советую думать. Хотя бы иногда. Оно тяжело с непривычки, но постарайся. Полезное занятие даже для недалеких склочных истеричек. А денег я тебе все-таки дам, и много. Про любовника я неудачно пошутил. Извини, если обидел! Поезжай-ка ты, Ируня, на Канары. Или в Португалию – тебе там вроде понравилось. Мне, знаешь ли, сейчас не до тебя. И так головной боли хватает.

Раздался телефонный звонок. Виктор сразу определил – межгород. Он подошел к аппарату, снял трубку, но, прежде чем говорить со звонящим ему человеком, повернулся к Ирине:

– Милая, я попрошу тебя покинуть мой кабинет. Нет, ты не угадала, я говорю не с Викторией, но это все-таки не для твоих очаровательных ушек!

Жена Виктора Владимировича закрыла дверь и не могла слышать не совсем обычную реплику мужа:

– Вот как? А документы по Детройту и «Герш-Вестфаленхютте»? Нет, документы просто уничтожьте. Немедленно. Хорошо, но как вы могли так напортачить? Вас что, не предупредили?! Что значит «уже не опасен»? – В голосе Баранова прорвалось до той поры сдерживаемое раздражение. – Для вас – может быть. Но не для меня. Да! Меня это не устраивает. Не знаю. Не хочу знать. Найдите. Я плачу вам очень большие деньги, и меня не волнуют ваши трудности. Равно, как и ваши методы. Еще раз повторяю: я плачу за результат! Думайте, но подводить меня не советую, у вас тоже не десять жизней. А фотографию теперь можете засунуть в собственную задницу.

Он положил трубку и медленно негромко произнес, обращаясь к самому себе:

– «Его пример – другим наука». Так, кажется, у Пушкина?

Виктор замолчал, но раздражение, полыхнувшее обжигающим внутренним пламенем, требовало выхода. Никто в этой стране работать не умеет!

Он снова поднял трубку телефона, как бы собираясь позвонить, но вдруг со злобой, наотмашь хватанул прямо по краю стола. С треском брызнули осколки...

Глава 1

Рабочее утро понедельника началось для Льва со звонка секретарши его непосредственного начальника – генерал-лейтенанта МВД РФ Петра Николаевича Орлова – очаровательной и чуть-чуть влюбленной в Гурова Верочки. Это было добрым знаком. За долгие годы совместной работы и дружбы Лев прекрасно изучил привычки Петра Орлова: в случае совсем уж поганых новостей или дел экстренных, никакого отлагательства не терпящих, генерал лично вызывал его по внутреннему, а бывало, и сам заходил к ним со Станиславом в кабинет.

Лев Гуров уважал Орлова не только как умного, немелочного, душой болеющего за дело руководителя сложнейшего аппарата Главного управления Уголовного розыска, но и как опытейшего сыщика, на счету которого было немало раскрытых преступлений. Считая Гурова и Крячко оперативниками «божьей милостью», виртуозами сыска, генерал и задачи им ставил «штучные», требующие не только добросовестного профессионализма и опыта (других сотрудников в управлении и не держали), но и того особого человеческого качества, которое мы называем талантом.

Гуров сам часто говорил молодым лейтенантам и капитанам, что девяносто процентов оперативной работы сводится к сбору малоинтересных и обычно не относящихся к делу фактов, а из оставшегося половина приходится на сумасшедшую беготню. В управлении знали, что одна из любимых его пословиц – «Волка ноги кормят». При этом сам он предпочитал не столько бегать, сколько думать, сопоставлять, решать задачи аналитически, а применение оружия недолюбливал и считал браком в работе.

– Веруня, здравствуй! – Гуров улыбнулся секретарше и получил улыбку в ответ. – Как там наш наиглавный? В настроении или не очень? Кофе пил уже?

Эти необязательные вопросы, равно как и Верочкино щебетание, были своего рода традицией, редко нарушаемым ритуалом. Как и многие люди с опасными профессиями, Лев к приметам и ритуалам относился очень серьезно.

– У него, Лев Иванович, как он только пришел, какой-то странный тип сидит. Ужасно похожий на, – Верочка прыснула, – Авраама Линкольна, как его на баксах печатают.

«Интересно, кто бы это, – подумал Гуров. – Я его, скорее всего, не знаю – с такой колоритной внешностью он мне в память запал бы, если появлялся в нашей конторе раньше. Но с Петром надо держаться официально и вольностей себе не позволять».

При встречах с глазу на глаз Лев и его «друг и соратник», а ныне и заместитель Гурова Станислав Крячко обращались к Петру Николаевичу на «ты». Когда спорили с ним, так, бывало, и голос вплоть до крика повышали, как и генерал на них. И никто не обижался, да и понятно: работая вместе двадцать с лишним лет, они съели уже не один пуд соли. Но при чужих субординация соблюдалась строго.

...Наблюдательность не подвела Верочку: сидящий рядом с Петром мужчина лет пятидесяти в самом деле поразительно напоминал шестнадцатого американского президента. Такой же худющий, длинный, и физиономия высокомерная.

Поздоровались, после чего генерал представил их друг другу:

– Полковник Лев Иванович Гуров, лучший сыщик моей команды. Андрей Эдуардович Карташев, консультант комитета по экономической политике Госдумы. Прошу любить и жаловать. Присаживайтесь, господа. Если позволите, Андрей Эдуардович, я кратко введу полковника в курс дела, а затем мы продолжим наш разговор втроем.

Введение в курс дела несколько затянулось. Причиной этого стала явственно политическая окраска вопроса, приведшая Карташева сначала к министру внутренних дел, а затем – по его совету – в кабинет генерала Орлова. Как и все здравомыслящие люди, Лев Гуров и Петр Орлов считали, что от правительства, Думы и прочих подобных структур лучше держаться

подальше. Некоторые, очевидные на его взгляд, вещи Андрею Эдуардовичу приходилось растолковывать сыщикам буквально на пальцах.

Карташев представлял наиболее сильную сейчас в Думе группу депутатов с различными политическими взглядами и партийной принадлежностью, но стоящих на четких пропрезидентских позициях. Много разделяло этих людей, но всех их не устраивало все более явное и наглое проникновение криминала в ряды законодателей. Конкретный пример, о котором и шла сейчас речь в генеральском кабинете, был буквально хрестоматийным, хоть в учебнике политологии публикуй.

Крупный, уже на всероссийском уровне известный славоярский бизнесмен Виктор Владимирович Баранов даже не подозревался в связях с преступным миром. Какие тут подозрения – практически все были в этом уверены. Однако доказать его связь с криминалом стало очень трудно с тех пор, как Баранов прошел в депутаты сначала городской, а годом позже и областной думы. Теперь же этот человек нацеливался выше – на всероссийский уровень.

– Полковник, в этом Славояре вообще все очень неладно, – обращаясь к Гурову, раздраженно заметил Орлов. – И совсем недавно об этом шла речь на коллегии министерства. Тамошние махновцы, похоже, хотят вернуться в недоброй памяти начало девяностых. Это тогда у нас на улицах пальба стояла, как в техасском салуне из дешевого вестерна. Но сейчас на дворе уже новый век, а у них... За последний год – три убийства, явно заказные, два покушения, взрыв на районной энергетической подстанции год тому назад, причем явная диверсия, теракт. Хорошо, хоть без жертв! Министр был очень недоволен!

"Так почему он прямо тамошних разгильдяев не спросил: «Что ж, совсем мышей не ловите, мать вашу?» – чуть было вслух не поинтересовался Гуров, но вовремя прикусил язык. Орлов продолжал:

– Руководит губернским УВД генерал Зарягин Лавр Вениаминович, мой ровесник и в прошлом сослуживец. Звезд с неба никогда не хватал, но чтобы губернский город до такого беспредела довести... И вот, не далее как позавчера, в субботу, – генерал пододвинул к себе лист оперсводки и раздраженно ткнул в него пальцем, – в подъезде своей московской квартиры на Каланчевской, это рядом с Ярославским вокзалом, застрелен член совета директоров крупнейшего славоярского промышленного объединения АООТ «Дизель». Некий Марджиани Тенгиз Резоевич. Приехал сюда по каким-то производственным делам и получил пулю в сердце и контрольную в голову. Наши баллистики – а они асы, я им верю – голову дают на отсечение, что пули выпущены из австрийского «хорна». Их просто не перепутаешь ни с чем. Комментарии нужны?

– При чем тут Баранов? – поинтересовался Лев, подумав, что «хорновскую маслинку» впрямь ни с чем не перепутаешь.

– В этом конкретном случае, возможно, и ни при чем. Вам, кстати, полковник, и разбираться...

«Боже милостивый, – охнул про себя Гуров, – неужели опять в „заказуху“ вляпались? Вот попали, на ровном месте и мордой об асфальт... Только-только с убийством Ветлугина закончили и снова-здорово...»

– ... а в славоярских наворотах, есть мнение, очень даже замазан. Этот Баранов явно связан с криминалом, но прикрыт статусом депутата. Вот Андрей Эдуардович, – Орлов повел рукой в сторону скромно молчащего консультанта по экономической политике, – интересуется, нельзя ли все же остановить его? Пока не поздно? Им там, в Думе, такой деятель даром не нужен.

– Дело еще в том, – вмешался в разговор Карташев, – что Баранов собирается идти на штурм по партийным спискам, активно ищет контакты с лидером одной такой шумной, знаете ли, экстремистской группочки – Василием Васильевичем Зайцевым. Говорит вам что-нибудь эта фамилия?

При упоминании этой фамилии на лицах генерала Орлова и полковника Гурова проступило одинаковое выражение: будто оба они долго жевали лимон без сахара. Говорила, а как же!

Последним достославным деянием Василия Васильевича стало учреждение ордена Всероссийского Орла, коим в первую очередь был награжден сам учредитель. Вскоре «группочка» обрела герб – двухголового медведя с мордами в разные стороны – и девиз, мгновенно укладывающийся в обморок любого не абсолютно юридически безграмотного человека: «Воля большинства – наш единственный высший закон!» На очереди были партийный гимн и флаг...

Голосовали за них очень немногие, но ведь голосовали! Политологи, социологи и прочие «ологи» объясняли этот феномен по принципу «кто в лес, кто по дрова». А ответ-то, по мнению Льва Гурова, лежал на поверхности.

...Лет тридцать тому назад в России клубился рой непризнанных поэтов. Они одолевали не только литературные журналы, но и каждого знакомого, не успевшего вовремя увернуться от потока выструганных мечтательной бессонницей стихов. Самым убойным аргументом своего права на поэтическое признание были для них страницы тех самых литературных журналов. «Почему печатают его, а не меня? Мои ведь стихи не хуже!» При этом демонстрировались вирши, хуже которых и вправду трудно было что-либо написать. Политическая борьба за думские мандаты очень похожа на ту толкотню за журнальные страницы. С той же мудрой внутренней аргументацией лезут уже знакомые и еще незнакомые деятели заправлять жизнью страны.

И действительно, стоит только немного потереться вокруг наших политиков, чуточку посмотреть на них и послушать – сразу же у любого гражданина появляется справедливая мысль: «Да я же ничем не хуже! По количеству действующих извилин, по представлениям о законности и справедливости, по любви к народу и Отечеству, по уважению этих чертовых прав человека – ну ничуть не хуже! Почему же не подо мной это депутатское кресло?»

...Гуров решительно встряхнул головой, как бы прогоняя эти далеко не новые мысли. Ему-то важна конкретика, о судьбах России рассуждать и без него желающих вагон, а он лучше своим непосредственным делом заниматься будет. Преступников ловить и «веселую жизнь» негодяям устраивать.

– Я, насколько мог, объяснил вам ситуацию с Барановым, господа. – После получасовой лекции на политологические темы голос Карташева звучал несколько устало. – Сейчас позвольте откланяться. И очень прошу вас, Петр Николаевич, серьезно отнестись к нашей просьбе! Таким проходимцам, как этот тип, в Думе места быть не должно.

Оставшись одни, Гуров и Орлов некоторое время молчали. Затем генерал сказал:

– Порядок, можно без галстуков. Остались свои – ты да я. Что обо всем этом думаешь?

– Что тут думать? От нас, я так понял, действий ожидают. Хотя, – Гуров выразительно посмотрел на генерала, – тухлятинкой на километр тянет. «Таким проходимцам...» – Лев довольно точно передразнил консультанта по экономической политике. – А сами они, конечно, белые и пушистые... Они, видишь ли, высокой политикой пополам с экономикой заниматься будут, а дерьмо разгребать любезно предоставляют нам, мы привычные... Но это так, реплика в сторону, как говорит моя супруга. Все ведь без нас с тобой решили, а, Петр?

– И на самом высшем уровне. – Орлов досадливо нахмурился. – Командировку в Славояр тебе уже оформляют, сам министр распорядился. С деньгами в планово-финансовом решишь и завтра с богом трогай. Высветишь там Баранова, заодно поглядишь, что за чертовщина в городе творится и почему местное управление столь хило выглядит. Ты уже как-то раз вместе со Станиславом в Котуни сходными делами занимался.

– Точно. Занимался, – усмехнулся Гуров, – даже дважды. Мне этот милый город до сей поры в кошмарах снится. В первый раз чуть не убили, и во второй чудом жив остался... Ты не забываешь, что этот твой ровесник – Лавр Вениаминович – все же генерал, а я пока еще нет?

– Бумаги у тебя будут бронепробойные – самые широкие полномочия. Можешь ставить всю местную милицию хоть на уши.

– Бить меня будут по роже, а не по бумагам. Нет, на этот раз поступим по-другому: никаких липовых проверок личных и рабочих дел, находящихся в производстве у оперсостава. Я так понял, что убийство этого Тенгиза Резоевича Марджиани тоже нам на плечи свалилось?

– Сил нет, до чего ты сегодня догадливый, – проворчал генерал.

– Вот я и поеду отрабатывать славоярские кончики этого дела, а параллельно, под этим прикрытием, покопаюсь в прошлом и настоящем господина Баранова. Если же что и в самом деле в губернском УВД неладно, гниль то есть завелась – это в процессе работы обнаружится, будь уверен. Но я не могу разорваться, Петр. Угрохали пресловутого члена совета директоров все же не там, а здесь, в Москве. Мне нужна уверенность, что, пока я буду париться в Славояре, здесь не возникнет пробуксовки. Такую уверенность мне может обеспечить...

– ...только друг и соратник, Станислав Крячко, – закончил гуровскую фразу генерал. – Я того же мнения. Кроме того, ты захотел курить, а сигареты, как обычно, купить забыл. Ну как тут без Стаса!

Орлов ткнул пальцем в кнопку селектора:

– Веруня, будь любезна, организуй три чашки кофе с чем-нибудь. И вызови ко мне полковника Крячко. – Он покосился на Гурова и хитро улыбнулся: – Ох, устрою я сейчас полный конец вашей суровой мужской дружбе, если расскажу Стасу, что это с твоей подачи ему подарочек с «заказухой» от меня достанется...

* * *

...А в это время в обшарпанном вагончике на запасных путях Ярославского вокзала три бомжа держали настоящий военный совет: что все-таки делать с подобранным в субботу раненым парнишкой? Мнения разделились, и разговор шел на повышенных тонах. Сам паренек то ненадолго приходил в себя, то проваливался в какой-то странный бред, называя своих спасителей непонятными словами.

– Сдать его ментам, – категорично заявил один. – Не то наплачемся. Ты, Петро, его подобрал, с нами не советуясь, вот и звони в ментовку.

– Дурку валяешь, Ванек! – разливая по трем грязным стаканам какое-то мутное пойло, ответил ему Петро. – Сроду я никого в ментовку не сдавал и впредь такой подляны не сделаю. Да ты подумай: хоть бы и сдали, а как дружки его узнают?! Как мыслишь, Витя?

Витя, третий из собеседников, задумчиво повертел стакан в руках:

– Дружки... А ежели не дружки, а тот, кто его продырявил? Тоже мало не покажется. Выждать надо! У нас его хрен кто найдет, а как оклемается – пусть сам уходит. Своей дорогой.

В этот момент парнишка, лежащий рядом, пришел ненадолго в себя. Он расслышал последние слова и вдруг сказал:

– Собратья! Я не могу сейчас уйти! Силы зла, страшные враги охотятся за мной. Им нужна моя жизнь, а я слаб и болен. Но я скоро приду в себя и покину вас, добрые люди! И благодарность светлых сил за ваши дела будет велика! Ведь я – воин света!

Тут голова его откинулась, и он снова впал в забытие. Трое ошалевших бомжей смотрели на него с ужасом, смешанным с недоумением.

...Не знал тогда несчастный «воин света», что просто так уйти ему не удастся. А между тем вокзал уже был плотно обложен суровыми, коротко стриженными ребятами. И у каждого была его фотография. Они точно знали, где можно было ожидать появления раненого паренька, и упускать его не собирались.

Глава 2

После прихода Крячко разговор затянулся еще чуть ли не на час: пока вводили общими усилиями Станислава в курс неожиданно свалившегося на них дела, пока выслушивали его бурные протесты, смысл которых сводился к тому, что надоели полковнику Крячко заказные убийства хуже горькой редьки...

– Нет бы, – жаловался Станислав, – старая, добрая банда, а мы со Львом Ивановичем в засаде: верные шпалеры наперевес, и все такое. Сидишь себе сутки не жравши в какой-нибудь вонючей канаве, наблюдаешь звезды и прочие небесные планеты и читаешь про себя наизусть «Стихи о советском паспорте». Романтики полные штаны, а голова, обратите внимание, свободная! А вы что мне сосватали? Еще друзьями называетесь! Тут ведь думать надо, на это у нас Гуров мастак, а он, гляди, в халявную командировочку сваливает – от нас, грешных, отдохнуть!

Имелось у Станислава Крячко ценнейшее качество – он никогда не унывал, всегда был готов к шутке, дружеской подначке, розыгрышу. В их нервной, тяжелой, а порой и кровавой работе любая психологическая разрядка помогала выдержать зачастую невыносимое напряжение. Вот и сейчас легкая трепотня Крячко, особенно по контрасту с мрачноватой серьезностью Карташева, произвела свое живительное действие: Гуров и Орлов заулыбались. В конце-то концов, трем этим людям, безгранично доверявшим друг другу, не привыкать было решать головоломные задачи.

Принесенные Верочкой кофейные чашечки опустели, в знаменитой генеральской хрустальной пепельнице стало на два окурка больше. План антибарановской кампании постепенно обретал четкие черты.

– Лев, начни с предыстории. – Генерал, завистливо поглядев на дотлевающий окурочек, развернул карамельку, заменявшую ему любимый «Беломорканал» фабрики Урицкого, который врачи запретили Орлову несколько лет назад. – Откуда у скромного бойца пожарной охраны взялись в начале девяностых деньги на первичную раскрутку? Кто «крышевал» Баранова тогда и кто занимается этим сейчас? Как он прошел сита избиркомов? А ведь прошел, и дважды! Что у него за команда?

– Какие СМИ он контролирует? – вмешался Крячко. – Газеты, местный телеканал, радио и все прочее. Ты, Гуров, всегда умел с журналистами общий язык находить, не то что я. Эти «шакалы пера» и телекамеры как мою честную ментовскую физиономию увидят, так только пятки сверкают! А ты у нас интеллигентный. Внешне, – хмыкнув, добавил Станислав. – Вот и давай!

– В каких он отношениях с губернаторским окружением и с «самим»? – продолжил перечень Лев. – А главное, – с «теневыми властями», то есть с местной мафией. Кстати, Петр, у меня не будет ни времени, ни возможностей разбираться, кто есть кто в тамошней криминальной клоаке. Кроме того, – Гуров усмехнулся, – не царское это дело – налетчиков хватать. Тем более выяснять, которые из этой публики в незнакомом городе самые крутые! Нет, конечно, если ты и этот загадочный «консультант» дадите мне годик...

– А и не надо! – Генерал подчеркнул свои слова энергичным жестом. – Неужели во всем славоярском управлении хоть пары светлых голов нет? Найти таких людей и порасспросить – это уж твоя задача.

– Кстати, – продолжал цепляться к друзьям Гуров, – вы, господин генерал, и вы, господин полковник, знаете, что такое «ставка дисконтирования» или «коэффициент срочной ликвидности»? Нет? Я тоже... Для примера взял, чтобы звучало пострашнее. Но, боюсь, без экономической мутотени мне с клиентом не справиться. Была бы вся эта петрушка в Москве, я бы на своего приятеля, старшего налогового инспектора Виктора Алексеевича Покровского, вышел. Когда-то работали вместе... А в нашем случае придется тебе, Петр Николаевич, шархнуть

генеральским калибром и озадачить светлые головы из УЭП, пусть мне на простом русском языке соорудят кратенькую сводочку по клиенту: какое у него экономическое положение, кто партнеры, кто наоборот, есть ли выход «за бугор»? Словом, ясна задача?

– Лев, – хитро прищурился Орлов, – может, мне с тобой погонями поменяться, раз ты мне уже задачи ставить начал? Я, ей-богу, не против, да ведь ты же через неделю от моей «сладкой» генеральской жизни взвоешь, как корова под волком!

– Э, нет! Начальство не стоит баловать. А если серьезно, то в генеральских погонах от тебя больше пользы. Потому как говорит мне сердце, что прикрывать меня придется по-серьезному.

– Точно! – поддержал друга Станислав. – Ведь что самое поганое в таких делах? Стоит копнуть поглубже, и нарываешься на такой ароматный кусок... Связанный с самыми верхами, а ворон ворону глаз не выклюет! Петр, посоветуй, мне-то за убийство этого славоярского гостя столицы – как его там, ага, Марджиани Тенгиза Резоевича – с какого бока браться?

– С прокуратуры, Станислав. Материалы они тебе отдублируют уже сегодня. Мне министр сказал, когда утром сегодня этот сюрприз преподнес, что там торчит, по косвенным данным, хвостик «молодых орлов» – то ли символика их около трупа обнаружена, то ли просто стайка этих пернатых, по свидетельским показаниям, незадолго до убийства рядом ошивалась...

– Это еще что за «орлята» такие на нашу голову? – озадаченно поинтересовался Крячко.

– Отстал ты, Станислав, от жизни. Это молодые политизированные отморозки. Вроде скинхедов, я лично различий не замечаю, – просветил друга Гуров. – Только ходят, в отличие от последних, в специальной форме и официально зарегистрированы. Как молодежный, патриотический, военно-спортивный и еще какой-то там фронт, клуб или пес знает что. Ведь не совсем безмозглый народ понимает, что это натуральнейший зародыш штурмовых отрядов. Из таких орлят могут те еще стервятники вырасти – пример Германии двадцатых годов прошлого века куда как убедителен, да и в нашей истории, если покопаться...

– Но нельзя их трогать, – сказал генерал. – Правовое государство строим... Только вот с того ли конца? Пока оно для бандитов и прочей твари правовое получается. Приезжал недавно к нам в министерство с лекцией уполномоченный по правам человека из какой-то губернии – Саратовской, кажется. Фамилия еще у него забавная: не то Кабриолет, не то Дилижанс... Вам, простым сыскарям, это невдомек и по фигу, а мою начальственную задницу силой на стул в конференц-зале усадили, в лучших традициях «проклятого коммунистического прошлого»: плюйся, а слушай!

– И как? Много мудрых мыслей почерпнул? – заинтересованно спросил Крячко.

– Слюны еще больше извел. – Орлов мрачно улыбнулся. – Особенно как дошло дело до оценки нового УК. За точность не ручаюсь, но смысл такой: поскольку новый Уголовный кодекс призван защищать интересы и права граждан возрожденной России, – последние три слова генерал произнес отвратительным подсюсюкивающим голосом, видимо, пытаясь изобразить лектора с загадочной фамилией, – в нем должна быть предусмотрена свобода действий для жуликов, ибо ограничение их прав действует им на нервы! Вот вы смеетесь, а я этот бред сивой кобылы два часа выслушивал. И попробуй вякни что вразрез – прослывешь скрытым сталинистом, бурбоном, держимордой и душителем гражданских свобод!

– Да, чудны дела твои, господи! – отсмеявшись, заметил Гуров. – Но возвращаюсь к нашим баранам, простите за каламбурчик. Баранов флиртует с экстремистами, где-то рядышком со свежим трупом барановского земляка прорисовываются «орлята»... Но не увязывается это с такой «пушкой», как австрийский «хорн». Вот если бы там обрезок трехчетвертной трубы нашли или арматурный прут. Ну, на самый крайняк – паленый-перепаленый «макар», тогда можно было бы думать в этом направлении. А «хорн»... – Лев с сомнением покачал головой.

– Оружие высокопрофессиональное и очень недешевое. Не для сопляков, – закончил Станислав. – Одно исключает другое, Петр. Тем более классический контрольный в голову... Что-то тут не то!

– Знаете, господа офицеры, – подпустил в голос ехидства генерал, – отвечу вам любимой фразой одного моего подчиненного. – Он поглядел на Льва. – Думать надо. Я не доктор, у меня готовых рецептов нет.

...Лев по совету генерала зашел еще до обеда в ПФО управления и утряс вопрос с командировочным авансом на две недели – дома избытка финансов не наблюдалось, а Гуров по опыту знал, что в чужом городе деньги лишними не бывают, даже учитывая ценовую разницу между столицей и провинцией. Хотя какая там провинция – всего-то двести с небольшим километров. Дали без звука, даже добавили из специального министерского фонда на «непредвидку», и Лев ощутил себя по-настоящему важной персоной. Набравшись наглости, он часть командировочных потребовал выдать в баксах. И, о чудо, здесь ему тоже пошли навстречу. «Нет, – думал Гуров, – что ни говори, а здорово побывать в шкуре чиновника по особым поручениям! Вот только что же за „барашка“ мне там придется пасти, если заранее с таким авантажем относятся, а? Конечно, на каждого верблюда грузят столько, сколько он может унести – на этом держалась, держится и, даст господь, будет держаться наша контора...»

Уже в начале четвертого он покинул управление: завтра намечался отъезд, и надо было собраться. По дороге домой Лев позволил себе шикануть: купил две бутылки «Цоликаури» – вина, которое они с Марией очень любили. Оно напоминало им единственный совместно проведенный в Гудауте отпуск. Кроме того, гулять так гулять! Гуров разорился на килограмм очищенной кальмаршей тушки. Как было уже сказано, готовить Лев не любил, но умел, и очень неплохо. На этот раз он собирался побаловать Марию одним из своих фирменных блюд – кальмаром по-корейски. Это тоже стало их семейной традицией, обычаем: перед отъездом в командировку Гуров, если была такая возможность, приходил домой пораньше и готовил что-нибудь особенное на ужин. Они с Марией выпивали хорошего вина, иногда танцевали. В этом был и легкий оттенок страха, вопрос – а увидимся ли? А этого из жизни сыщика, старшего оперуполномоченного по особо важным делам, не выкинешь: такова специфика его профессии. Мария все понимала и смирилась с этим. И все-таки куда больше было в их традиции надежды на скорую встречу, пожелания удачи, веры в успех. Лев Иванович Гуров очень серьезно относился к приметам и обычаям...

Глава 3

...Понедельник у русского народа испокон веков считается днем тяжелым, а уж если он начинается с пасмурного и холодного ноябрьского утра, то и подавно. Правда, сейчас промозглая сырость поздней осени осталась за надежными, кладки девятнадцатого века стенами двухэтажного особняка на Княжеской улице, в котором с недавних пор располагался главный офис холдинга «Рассвет». Виктор Владимирович Баранов не признавал новомодные, с претензией на оригинальность наименования фирм типа «Сперанса» или «Эстремадур». Да, открылось в Славояре и такое заведение по установке и ремонту импортной сантехники; озадаченные обыватели чесали в затылках и заходить в столь языколомно названный салон-магазин сперва опасались. Потом привыкли... Нет, сердце своего производственно-финансового «баронства» (до империи он пока еще не дорос) он назвал просто и по-русски. Тем более именно так – «Рассвет» – называлось товарищество его прапрадеда – Михаила Баранова, в 1895 году удостоившегося звания поставщика высочайшего двора с почетным правом употребления государственного герба на всех своих изделиях и вывесках. И дом, на втором этаже которого, в своем кабинете, Виктор Баранов сейчас согласовывал повременный план наиболее важных текущих дел понедельника со своим замом, был построен его предком. Тем самым Михаилом Барановым и как раз для правления товарищества! Когда Виктор за очень немалые деньги покупал, а затем ремонтировал старинный особняк, именно это заставляло его преодолевать любые преграды – дом на Княжеской числился памятником архитектуры, помимо Баранова, желающих завладеть им было предостаточно – и добиться-таки своего.

Социальный снобизм распространен во всех слоях и классах, но, может быть, меньше всего у старинной аристократии. Человек без корней тоскует о своем сиротстве, а ностальгия по предкам заложена в нас независимо от «высоты» происхождения и «голубизны» крови. Потомки пиратов и разбойников гордятся своими грозными прадедами, потомки рабов видят себя детьми Спартака, «сын трудового народа» гордится своим рабоче-крестьянским происхождением. Виктор знал своих, хоть и не дворянских кровей, предков и очень гордился ими. А началось все с того, что совсем небогатый, только-только выбравшийся из крестьянской лямки купец-старовер Сидор Терентьевич Баранов основал в 1839 году крохотную фарфоровую фабричку в невеликом старообрядческом селе Кулерино Славоярской губернии. Нещадный к себе и работникам-единоверцам, он жил с семьей впроголодь, работал на износ, не ведая ни сна, ни отдыха, дрожал над каждой копейкой, но сумел поставить дело. Сидор даже сманил из Гжели и Дулева лучших мастеров, на это он денег не жалел! И среднего сына своего, Михаила Сидоровича, он пристрастил к фарфору. Этот Баранов, кроме отцовской коммерческой хватки, имел еще и художественный вкус, к тому же ему необыкновенно, фантастически везло. Как-то неожиданно для всех «барановский» фарфор становится знаменитым и модным, завоевывает внутренний рынок своей трактирной посудой, тарелками и чашками на каждый день, азиатским товаром для продажи на кавказских, турецких, персидских базарах. И вот к концу века товарищество М.С.Баранова «Рассвет» уже владело восьмой частью всех русских фарфоровых заводов. При этом Баранов каждые десять лет удваивал мощность производства и к 1901 году имел оборот в полтора миллиона рублей. Сумма по тем временам астрономическая. Все сгнуло в одночасье...

От купцов-староверов Виктор Владимирович унаследовал коммерческий талант, бульдожьей деловую хватку да непомерное, буквально сжигающее его честолюбие. И, конечно, желание властвовать, распоряжаться не только собственной судьбой, судьбами близких людей, но и подчинить своей воле по возможности больше народа. Как-то раз, будучи после бурной ночи в несколько «размякшем» состоянии, он разоткровенничался со своей новой молодой любовницей – Викторией Зитко, Викой, Кьюшей...

Деньги, сказал он тогда, привлекают, радуют и заставляют сердце стучать чаще лишь поначалу. Потом они быстро приедаются. Единственное, ради чего стоит жить, – это власть над людьми. И слава. Два этих воистину дьявольских искушения способны свести с ума не хуже наркотика, да, по большому счету, и сходны с ним: чем больше есть, тем больше хочется, жажда неутолима! Под свою не слишком оригинальную мысль он подвел своеобразную философскую базу.

Больше всего человек боится даже не смерти, с мыслью о ее неизбежности любой из нас со временем свыкается. Пока смертны все, пока нет исключений, пока бессмертие нельзя купить, заслужить, получить в наследство, выиграть в карты или лотерею, человек будет склонять голову перед великой уравнильницей. По-настоящему нестерпима перспектива исчезнуть бесследно, а ведь именно это и есть удел 99 процентов людей. Хорошо, если помнят хотя бы внуки, а многие ли из нас, положа руку на сердце, надеются на это? Кто же остается в памяти поколений? Кого помнят? Вряд ли вы знаете, кто был самым богатым человеком наполеоновской Франции. А кто был самым «крутым» толстосумом времен Чингисхана? Александра Великого? Атиллы? Вот то-то и оно... Боги – хранители памяти – ценят не силу саму по себе. А деньги – это ведь просто удобный ее эквивалент. Нет! Они ценят талант. Не суть важно, в чем он проявляется: в создании гениальных стихов и полотен или в умении властвовать над себе подобными, второе даже величественнее и больше заслуживает божественного внимания. Конечно, не всем дано выйти в Атиллы или Тамерланы, но власть сладка и желанна на любом уровне.

Баранов, бесспорно, обладал качествами и талантом лидера; именно лидера, а не просто руководителя. Второе во многом зависит от опыта, но первое дается от природы. Или не дается. Можно научиться ремеслу руководства, но научиться лидировать нельзя. Из людей с такими способностями и характером получаются лучшие капитаны в игровых командных видах спорта.

...Лет тридцать тому назад наша страна переживала настоящую хоккейную лихорадку. Популярность этой игры была беспрецедентна, и навряд ли когда-либо интерес к спорту вообще и хоккею в частности поднимется в России на такую высоту. Не только встречи наших команд с канадскими профессионалами или репортажи с мировых первенств, но даже игры внутреннего чемпионата собирали у телеэкранов совершенно немыслимые по нынешним временам массы народа. В часы вечерних трансляций финалов мировых чемпионатов, участниками которых наши хоккеисты стабильно становились, жизнь городов буквально замирала, улицы пустели... Девяностолетние старички и старушки оживленно обсуждали тонкости силовых приемов в исполнении Александра Рагулина, почтенные матери семейств до хрипа спорили о преимуществах дриблинга Якушева над дриблингом Мальцева, а фамилии Чернышев, Тарасов, а позднее – Тихонов знали мальчики и девочки детсадовского возраста. В то время на исключительно сильном и ярком фоне многих выдающихся российских хоккеистов особенно блистала легендарная армейская тройка: Михайлов – Петров – Харламов. И хотя мозговым центром тройки, организатором всех ее неотразимых атак был Владимир Петров, а слава Валерия Харламова вообще не имела себе равных не только у нас, но и в Канаде – его называли лучшим нападающим «всех времен и народов», – тройка все же называлась Михайловской. Борис Михайлов на протяжении всей своей спортивной карьеры оставался несменяемым капитаном грозного ЦСКА и национальной сборной; единственный из всех своих товарищей он мог на равных говорить и даже спорить с тренерами команды.

Виктор Баранов, родившийся в 1960 году, прекрасно помнил ту могучую сборную семидесятых, он тоже прошел через повальное увлечение хоккеем и даже играл за дворовую команду в безумно популярном тогда, а теперь напрочь забытом детском всесоюзном турнире «Золотая шайба». Вите было тринадцать лет, товарищи по команде единогласно избрали его капитаном, чем он очень гордился. И совсем неважно, что их «ледовая дружина» тогда не

дошла хотя бы до общегородского уровня... Интересно то, что на площадке кличка Виктора была именно Михайлов. Он даже внешне был немного похож на прославленного нападающего, а сейчас, к сорока годам, сходство усилилось. Виктор никому не говорил об этом, но втайне такое сходство было ему приятно. Сходными были и характеры...

Главным талантом Виктора Владимировича Баранова была снайперская способность подобрать нужных людей, составить из них единое целое, команду, дать этой команде четкую, понятную каждому «игроку» цель. А выбирая средства, Баранов не стеснялся никогда и не брезговал ничем, напоминая опять же капитана, но уже не спортивной команды, а пиратского брига. Эта аналогия была тем более верна, что «Веселый Роджер» реял над барановским бизнесом изначально, с того самого дня, когда он впервые продал партию «левой» водки известного всей стране славоярского завода «Родник» на полуостров Таймыр. Прибыль от первой «операции» зашкалила за пятьсот процентов; деньги сразу же (по заветам предка-купца) были пущены в оборот. Хватило и на то, чтобы заплатить «отступные» Федору Прасолову по кличке Домовой, одному из главарей славоярской мафии, с той поры и поныне – главной криминальной барановской «крыше». И понеслось...

...Виктор проводил своего заместителя до двери кабинета, достал из ящика стола пачку Camel, настоящих американских сигарет, а не дешевой турецко-польской подделки, прикурил, крутанув колесико тяжелой позолоченной зажигалки «Ronson», и подошел к окну. За окном уже давно моросил занудный ноябрьский дождь.

«Жаворонок», он любил вставать рано, в эти часы был наиболее свеж и работоспособен, поэтому трудовой день для него и его подчиненных начинался в восемь утра. Год стремительно катился к закату, еще толком не рассвело, и, поглядев из окна во двор особняка, он сперва ничего не увидел. Затем, как на проявляющейся фотографии, проступила кленовая ветка, припавшая к окну; потом начало белой бетонированной дорожки, ведущей к огромной клумбе внутреннего дворика. На клумбе еще можно было заметить последние осенние астры и хризантемы, самые любимые цветы Виктора, уже прихваченные ноябрьскими заморозками. Небо за окном стало уже не ночным, а белесоватым, утренним... Баранов взглянул на часы. От законных, легальных и скучноватых дел, которым он посвятил получасовую беседу со своим замом Василием Петровичем, настала пора перейти к делам другого рода, спуститься к подводной части айсберга. Баранов про себя усмехнулся этому избитому сравнению, жадно затаился несколько раз, вернулся к столу и снова глянул на Rollex.

Глава 4

Человек, которого ждал Виктор Баранов, был в отличие от хозяина кабинета типичной «совой». Причем «совой» в достаточной степени дикой: Геннадий Епифанов преспокойно мог проигнорировать барановскую просьбу о встрече в девять утра и заявиться в полдень, когда хорошо выспится. Или не прийти вообще. Бывали прецеденты... Но нет, мелодично пискнул селектор, и голос секретарши Анны Антоновны профессионально четко и бесстрастно доложил:

– К вам Геннадий Артурович.

– Пусть войдет, а вас попрошу организовать две чашки кофе. Мне, как обычно, с лимоном. Если вас это не затруднит...

Виктор Владимирович не одобрял манеры многих «новых русских» обзаводиться секретаршами с внешностью топ-моделей и куриными мозгами. Он свято придерживался принципа: «Не... где работаешь», а ни на что иное подобные «Барби»-цыпочки не годились по определению, разве хвастаться их внешними данными – как баре в свое время породистыми борзыми. Сорокапятилетняя Анна Антоновна работала у него шестой год, на секс-бомбу никак не походила, зато в совершенстве знала три иностранных языка, делопроизводство и прикладные компьютерные программы; кроме того, отличалась честностью и преданностью хозяину, возможно, даже была немного, чисто платонически, влюблена в своего шефа. Баранов спокойно посвящал ее во многие, хотя, конечно, не все «секреты фирмы» и не стеснялся иногда советоваться со своей секретаршей, особенно когда дело касалось первого впечатления, произведенного на него новым человеком. Их оценки совпадали на удивление часто... Словом, Анна Антоновна была важным и на своем месте с трудом заменимым «игроком» его дружной команды.

А вот Геннадий Епифанов, будучи не просто важным, а наиважнейшим и совершенно незаменимым, к великому сожалению Виктора, «игроком» барановской команды считаться никак не мог. Высокий, худощавый, выглядящий немного старше своих сорока пяти лет, он вяловатым, расслабленным шагом зашел в кабинет, захлопнул дверь и, не здороваясь, поинтересовался:

– Что-нибудь градусосодержащее в твоём подстольном барчике водится? Учти, эту бурду, – он небрежным жестом указал на подносик с двумя чашками горячего ароматного «Сантоса», – можешь пить сам. Мой организм требует поправки после вчерашнего неумеренного потребления алкоголя. Кстати, только так и никак иначе его потребляют умные люди.

Действительно, белки его карих, глубоко посаженных глаз были покрасневшими. Длинное породистое лицо с выступающей нижней челюстью выглядело несвежим, помятым. И небрит к тому же.

Виктор тяжело вздохнул:

– Здравствуй, Гена. Неужели ты не мог не надраться вечером? Я же предупредил: будет важный разговор, для тебя есть работа! Ясно же по телефону вчера сказано было! Почему...

– Вот потому самому! – прервал его Епифанов. – Чтобы ты, дружок, не забывал, что, хоть я числюсь работающим в твоей долбаной конторе и даже имею с того еще более долбаные бабки, подчиняться тебе – это уж увольте! Тон мне твой не пон-дра-вил-ся. Шибко приказным при-ме-ре-шил-ся. Скажи спасибо, что я вообще пришел. Я тебе нужен, ты мне – нет, а хлеб за брюхом не гоняется.

Он поглядел на Виктора с видом кота, безмятежной походочкой выходящего из курятника и не желающего помнить, что к усам прилипли перышки. Епифанов сказал святую правду: этот человек не подчинялся никому и был по природе именно киплинговским котом, который гуляет сам по себе и ходит где вздумается. Основой его характера являлась легкость. Генна-

дий легко радовался и легко расстраивался, смеялся и грустил, зажигался и остывал. Он легко и охотно лез в драку и так же легко мирился, за один день мог смертельно разлаяться с приятелем, чтобы к вечеру поклясться ему же в вечной дружбе, а наутро следующего дня разлаяться сызнова. Как-то раз доведенный им почти до отчаяния, Баранов сказал: «Тебе легче помереть, чем сдержаться!» На что получил в ответ презрительное: «Я не из купчишек, как некоторые! Я потомственный российский дворянин и сдерживаться буду, когда меня прихватит понос на губернаторском приеме, да и то потому, что штаны запачкать жалко!» К жизни Епифанов относился как к увлекательной, хотя излишне жестокой игре, в которой главное – отнюдь не выигрывать. Он-то был начисто лишен честолюбия и считал его пещерным атавизмом. Люди подобного склада характера могут проявлять фантастическую работоспособность, однако лишь если и пока их работа им интересна. В противном же случае... К тому же он был законченным, убежденным мизантропом и вполне серьезно утверждал, что в творении божием его устраивает все, кроме венца этого самого творения. «Я, – говаривал Епифанов после пятой-шестой стопочки любимой „Лимонной“, – терпеть ненавижу человечество, хоть лояльно отношусь к отдельным его представителям, к самому себе в первую очередь!» И это тоже было святой правдой.

Баранов около пяти лет назад буквально вытащил Геннадия из болота, в которое старший инженер Епифанов провалился вместе со всем в недалеком прошлом могучим производственным объединением «Изумруд». Привычная работа «на войну» стала в условиях нашего радостно-идиотического братания с кем ни попадя малоактуальной и вовсе не доходной, а клепать конверсионные кастрюли с вертикальным взлетом еще предстояло научиться. Уникальный коллектив штучных специалистов распался и разбежался... Случайно познакомившись с Епифановым, Виктор своим натренированным чутьем унюхал: этот человек может пригодиться в команде. И пригодился. Еще как.

Он очень скоро стал своего рода начальником тайного штаба Баранова, специалистом по работе, которую иначе, как диверсионной, не назовешь. Обладая тонким изобретательным умом, он, казалось, получал какую-то извращенную радость, планируя разного рода акции против своих ближних, в данном случае – конкурентов Виктора. Причем не только планируя, но и зачастую исполняя – в этом ему помогали его громадный талант и опыт инженера-оборонщика. Геннадий Артурович наглядно опровергал распространенное мнение, согласно которому у человека, хорошо работающего мозгами, передние конечности обязательно растут из задницы. Техника любой степени сложности буквально мурлыкала в его руках. Хитроумный и дорогой японский VC, антиподслушку, он в присутствии Баранова проверил и «расколол» за пятнадцать минут с помощью лезвия от безопасной бритвы, позаимствованной у Анны Антоновны английской булавки, двух батареек Panasonic, капельки клея «Момент» и плеера. Поколдовал с этим немудреным набором юного шизофреника, а затем включил плеер в обычную розетку и направил передом на глушилку-шифратор из Страны восходящего солнца... Сдалась хваленая самурайская техника, никуда не делась: контрольный диктофончик исправно начал писать все звучащее в кабинете, а индикатор, присоединенный к телефонному аппарату с телексом, показал огорченному выкинутыми на ветер деньгами Баранову «отведение дубль-сигнала». Усмехнувшись, Епифанов теперь уже сутки колдовал с VC, применяя менее экзотические детали, после чего сказал Баранову, что теперь глушилку не проскочит ничто, никто и никогда. Виктор ему поверил. Именно такая усовершенствованная глушилка работала у него дома позавчера, во время разговора с Москвой.

Баранов еще раз вздохнул, пытаясь скрыть раздражение, всегда поднимавшееся в нем при одном виде Епифанова, и, встав из-за стола, открыл дверку маленького, хорошо замаскированного, встроенного в стенку ящика-бара с зеркальными внутренними стенками и подсветкой:

– Чего тебе налить? И сколько?

– Ты мои дворянские вкусы знаешь. Двести грамм водки «Лимонная». И чтобы в граненом стакане. А сушеная вобла твоя, что в приемной юбку просиживает, пусть организует потомку графов Епифановых закусь. Согласен на разогретый в микроволновке гамбургер. И пока я не употреблю – ни слова о делах!

Епифанов управился быстро и привычно, затем достал из кармана своей модной, но уже потрепанной джинсовки массивный серебряный портсигар, прикурил от барановского «Ронсона» и довольным, умиротворенным голосом произнес:

– Излагай! Но коротко и только суть, детали я всегда продумываю сам. Кому на этот раз нужно устроить пакость?

– Автотранспортникам из «Каравана». А через них – страховщикам «Гарантии», Котяев застраховал свою фирму у них. Так вот, котяевский «Караван» должен погореть, в прямом смысле слова, а эти друзья выложат страховку и погорят в переносном смысле. После чего «Караван» мы у Шурика оттяпаем, а попутно подтвердим, что ссориться с нами опасно и недальновидно. – Баранов помолчал и добавил: – Но обстригай все так, чтобы... Сам понимаешь. Вот как в позапрошлом году с подстанцией получилось. То есть если по городу пойдет слухок, что тут не без барановской команды, то это нам даже на пользу, нужна именно акция устрашения. Но без явных следов!

– Учить ты меня будешь, – фыркнул Епифанов. – А слухок тебе Сашка Тараскин организует любой, хоть что ты побочный сын английской королевы, а несчастный Шурик Котяев – горный тролль прямо из Асприна... Я сам не подарок, но как ты с такими сволочами, как Сашка-имиджмейкер и Иудушка Честаховский, работаешь, в уме не укладывается.

– У меня, представь, тоже, – вполне искренне ответил Виктор. – Такими уж гвардейцами господь наградил. Команда пиратского брига – это не Институт благородных девиц. А у тебя с ними что-нибудь не так?

– Все не так. Но тебя это не касается. Кстати: каков поп, таков и приход! Про твоего Дракулу уж и не говорю. Потому что противно. Ты хоть колышек осиновый припас? Смотри, Витя, игры с нежитью ну оч-чень забавно кончаются порою... Но оставим лирику. Сроки? Деньги? Кого можно привлекать?

– Сроки – как справишься, но желательно в этом месяце, а еще лучше – на этой неделе. Деньги получишь сегодня, сколько считаешь нужным. Привлекать... – Баранов помолчал и продолжил почти просительным тоном: – Лучше бы, Гена, никого... Сам, как только ты умеешь, «на консервной банке», а?

Епифанов довольно ухмыльнулся. Он любил говорить, что при наличии средств, времени и каменной задницы в любой области можно добиться почти всего, но, господа, это неэстетично и вообще «фи!». А вот сделать дело из ничего, «на консервной банке» – это да, высший пилотаж; и, что особенно важно, такое решение всегда не только дешевле и эстетичнее, но даже в утилитарном смысле лучше и эффективнее. Геннадий Артурович с большим удовольствием вспомнил свои, только что упомянутые Барановым «забавы» с центральной энергетической подстанцией Горьковского района. Он, конечно, и представить не мог, что эта тема краем всплывет несколькими часами позже в Москве, в кабинете генерал-лейтенанта МВД как характерный пример славоярского беспредела.

Консервную банку он тогда использовал не фигуральную, а самую что ни на есть настоящую – поллитровую жестянку из-под венгерского зеленого горошка. Плюс деревянную бельевую прищепку с двумя загнанными в рабочие «губки» канцелярскими кнопками. Банка была наполнена смесью хлората калия, в просторечии – бертолетовой соли, сахарной пудры и алюминиевого порошка, полученного фильтрацией из краски «серебрянка». От кнопок отходили четыре тоненьких проводка, по два от каждой, пара на клеммы пяти пресловутых батареек «Энерджайзер» – вот уж реклама-то получилась бы, не чета зайцу с барабаном, а пара заканчивалась в самой гуще смеси; их тщательно зачищенные концы Геннадий разделил спичечной

головкой и обмотал этот «микровзрыватель» тонюсенькой полоской скотча. Кнопки разобщила двойная полоска фетра, его Епифанов вырезал из старой шляпы. Фетр не проводил тока. Пока не проводил... Все гениальное просто!

Но для любовно изготовленной за какой-нибудь час мины нужно было средство доставки. Геннадий Артурович и здесь остался верен себе, применив нестандартное решение: за пять штук он приобрел в главном славоярском детском универмаге «Чебурашка» замечательную бельгийскую самодвижущуюся игрушку на тех самых пяти «Энерджайзерах»: танк, который даже мог обходить небольшие препятствия, а за их неимением двигавшийся по прямой. Заднего хода у танка не было, по расчетам Епифанова, он должен был тупо заехать в закуток под распределительным щитом главного трансформатора подстанции и фырчать там, вхолостую вращая гусеницами, пока не... сработает. Танк как раз проходил по высоте, если снять башню и заменить ее любимой консервной банкой. Затем Епифанов немного поэкспериментировал с фетром: между двух полосок – точно таких же, как и полоски, разрывающие контакт кнопок, – он насыпал немного обычной поваренной соли. Ее раствор является прекрасным проводником! Приложил к внешней стороне каждой полоски клемму тестера и капнул на получившийся «бутербродик» несколько капель воды. Фетр – плотная ткань, промокает не сразу, и стрелка тестера дернулась лишь через десять минут. Геннадий довольно хмыкнул и потер руки: все правильно, пропитавшая фетр вода растворила соль, в цепи возник ток. То же самое произойдет и с другой цепью, но с двумя небольшими отличиями: миллиметровый зазор воспрепятствует прохождению тока, зато в зазоре проскочит маленькая искра, которая воспламенит «изолятор» – прокладочку из спичечной головки. А дальше начнется сплошная химия...

Глава 5

...Сама идея устроить «сюрприз» принадлежала не Геннадию, а Сашке-имиджмейкеру. Получасовое выступление по местному Славоярскому телевидению Германа Адольфовича Траузенберга, генерального директора «Славоярэнерго», главного противника Баранова на выборах в областную думу по одномандатному округу, практически совпадающему с Горьковским районом города, должно было начаться в двадцать часов. К этому знаменательному моменту и было решено Горьковский район обесточить, причем сделать это достаточно демонстративно. Главный энергетик города, который не может толкнуть предызбирательную агитку перед телезрителями из-за отключения энергии. Да! Это была настоящая находка Тараскина. Баранов недаром платил этому человеку, с внешностью печального пожилого бегемота и лисьей душой, очень большие деньги.

Тараскин считался в журналистских и политических кругах Славояра признанным мастером пиара, особенно его «черной» разновидности. Любопытна история его знакомства с Барановым и начала его работы на Виктора. Однажды он объявился, без всяких предварительных звонков и согласований, в барановском кабинете на Княжеской улице и представился несколько удивленному Виктору как руководитель и организатор избирательной кампании Траузенберга. А затем, глядя прямо в глаза Баранову, спокойным, монотонным голосом и, что называется, «прямым текстом», без недомолвок поведал, что пришел сюда с целью предать и продать своего нынешнего нанимателя. За хорошую цену. Такая искренняя продажность Баранова как-то даже очаровала, хотя и насторожила сперва – не провокация ли? Но когда в дальнейшем разговоре Сашка-имиджмейкер озвучил эту самую «хорошую цену», Виктор лишь изумленно икнул, но опасения сразу отбросил:

– А что, Александр Алексеевич, – спросил он тогда, – если вам предложат большую сумму, то вы и меня так же кинете?

– Ни секунды не задумываясь, – мило улыбнувшись, ответил Александр Алексеевич. – Но ведь не предложат, поэтому и прошу столько.

– Мы с вами сработаемся. Деньги получите у моего зама. Представьте, – Баранов изумленно покачал головой, – впервые вижу, чтобы продавались с таким изяществом!

– Просто я из тех б...дей, которым нравится их профессия. – При этих словах Тараскин слегка поклонился и даже ножкой шаркнул. – Кстати, пусть о нашей сделке пока никто не знает, деньги вы мне заплатите позже, а пока – никаких замов. В курсе дела только мы двое. Я, понимаете ли, хочу еще некоторое время потрудиться в избирательном штабе Германа Адольфовича. Прощальный подарок ему преподнести...

– И еще немного денег с него слупить? – весело поинтересовался Виктор, которому такая детски-наивная, нутряная подлость вновь приобретенного «соратника» начинала все больше импонировать.

– А как же иначе? – вопросом на вопрос ответил Сашка-имиджмейкер. – Только с чего вы взяли, что немного?

Прощальным тараскинским «подарком» оказались отпечатанные за границей, на самой дорогой бумаге, предвыборные плакаты Траузенберга. Ими был оклеен весь Горьковский район, но сдирать, заклеивать либо еще как-то портить это чудо полиграфии Баранов своим подручным строго-настроено запретил. Наивный Траузенберг не учел, что в его округе уже давно были задержки с зарплатой и пенсиями, и роскошные изображения претендента вызывали раздражение. Главным, однако, было содержание!

На плакате был изображен кандидат в депутаты Траузенберг – еще молодой импозантный мужчина с букетом цветов, а над ним красовались номер его прямого телефона и крупными буквами набранный призыв: «Позвоните мне, и я помогу вам!» Все это до боли напоминало

рекламу расплодившихся сомнительных контор, предлагавших сексуальные услуги «мальчиков по вызову». Когда эта прозрачная аллюзия дошла наконец до Германа Адольфовича, было уже поздно – народ откровенно хихикал, глядя на такую предвыборную агитацию, а рейтинг Траузенберга упал на пятнадцать пунктов. Обозленный энергетик с треском выпер Тараскина «из рядов», но деньги, немалые, ему заплатил, сочтя за лучшее не связываться. Особенно когда узнал, что, если дело дойдет до гражданского иска, интересы Сашки-имиджмейкера в суде собирается защищать тесно связанный с Барановым адвокат Святослав Игоревич Честаховский, широко известный в юридических кругах Славояра под говорящей кличкой Иудушка. Рассказывали, что столь милое прозвище он заработал, еще будучи студентом юрфака местного университета, кстати, однокурсником Ирины, жены Виктора Баранова. Благодарить за это Честаховский должен был не только свое соответствующее поведение и репутацию, но и излюбленный вопрос, задаваемый им каждому встречному-поперечному: «А как вы думаете, сколько Иуда получил на наши деньги?» Да! Прав был Геннадий: славные соратники собрались под барановскими знаменами!

Первой кашей, заваренной Александром Алексеевичем Тараскиным на новом месте работы, стала громадная статья в негласно контролируемой Барановым газетенке «Славоярская хроника», известной в журналистских кругах города, как «Хронь». Статья имела жирный, прекрасно выделяющийся на второй полосе заголовок «Ну какой же он еврей?!» и подробно повествовала о родословной поволжского немца Германа Адольфовича Траузенберга. Ни единый факт в статье не был искажен даже на миллиметр, лишь чистая правда, вплоть до фотографии траузенберговского свидетельства о рождении... И почти каждый абзац завершался, как рефреном, риторическим вопросом: «Так какой же после всего вышеизложенного наш кандидат в депутаты еврей?! Говорить подобное могут только злонамеренные и некомпетентные люди. Нет, он не еврей!» Кто хоть чуток разбирается в психологии масс, последствия подобной публикации просчитает с ходу: избиратели-евреи смертельно обиделись на Германа Адольфовича, к статье ни сном ни духом отношения не имевшего, а «истинно русские патриоты» окончательно и бесповоротно убедились, что в законодатели им сватают самую что ни на есть отпетую жидовскую морду. Талантливым «черным» пиарщиком был Сашка-имиджмейкер, ничего не скажешь!

И вот финальный аккорд: заключительный мазок кисти признанного маэстро: сегодняшняя обесточка и завтрашний, после ликвидации аварии, эфир Баранова в то же самое время и по тому же местному телеканалу. Предварительную разведку Геннадий провел еще два дня назад: подстанция не охранялась, просто в голову никому не пришло. Здоровый амбарный замок на мощной двустворчатой железной двери, из-за которой доносилось сердитое басовое гудение понижающих трансформаторов да традиционная табличка с черепом и костями. Трогать все это Епифанов и в мыслях не держал. Идея с самодвижущимся танком пришла ему в голову как раз тогда, когда, проводя рекогносцировку, он обратил внимание на небольшой, сантиметров пятнадцати, зазор между нижним краем дверей и порогом, вероятно, оставленный для вентиляции – трансформаторы сильно греются, или по исконному раздолбайству отечественных строителей. Аккурат кошке прошмыгнуть. Или его хитрой машинке. Дальше шел ровный бетонный пол, по которому сердито урчащий моторчиком бельгийский танк, запущенный ловкой рукой, по прямой дополз до вожделенного закутка под распределительным щитом главного трансформатора подстанции. Увидеть и проконтролировать весь его путь Геннадий уже не мог, да и нужды в том не было. Все подстанции строятся по типовому проекту, и расположение узловых точек объекта он представлял прекрасно. На крайняк, рванет не точно по месту, но тоже мало не покажется!

Он оглянулся, не заметил ли чей любопытный взгляд его возни с детской игрушкой. Нет. Сырой холодный вечер середины октября, глухие задворки... Тихонько насвистывая «Let it be», он обогнул здание подстанции, зашел в ближайший дворик, присел на лавочку около подъ-

езда и закурил. Ждать пришлось, как он и планировал, минут десять. Затем невдалеке не очень сильно ахнуло, будто большую бутылку шампанского откупорили, и свет во всех окнах окружающих его многоэтажек мгновенно погас. Он посмотрел на часы: без четверти восемь, как в аптеке! Доползла заморская игрушка куда надо, не подвела!

...Епифанов даже головой слегка встряхнул, отгоняя приятные воспоминания. Затем резко повернулся к Виктору, посмотрел ему в глаза:

– Ладно. Сделаю. Теперь поведай, – он подчеркнул последнее слово ироничностью тона, – что нового по «Герш-Вестфаленхютте» и родному «Дизелю». Но учти: Детройт далековато, и там взрывать, поджигать и корезить поищи себе кого-нибудь другого.

– Не говори глупости, – несколько раздраженно среагировал на вопрос Баранов. – Я тебя ценю и прощаю многое, но не в свои дела нос совать не следует. Даже тебе.

– Так это сейчас они не мои, – живо отозвался Геннадий. – А когда тебя возьмут за задницу и ты начнешь тонуть, то к кому ты прибежишь за советом? Правильно: ко мне. Так давай, я тебе его дам прямо сейчас и бесплатно – брось ты это дело! Такой кусок покамест не по нашей пасти, можно ненароком челюсть вывихнуть. А то и подавиться. Насмерть.

– Что ты имеешь в виду? – угрюмо поинтересовался Виктор, доставая из пачки очередную, уже третью за утро, сигарету.

– Что имею, то и введу, – совсем невесело скаламбурил Геннадий. – И хорошо, если я. Тебе еще не забыли ту славную аферу с АО «Альянс». Напомнить, отчего безвременно скончался Зяблик?

– По медицинскому заключению, от сердечной недостаточности...

– ...вызванной значительной передозировкой свинца, – подхватил Епифанов, – что совсем неудивительно после очереди в брюхо из «калаша»... Он, конечно, был дурак и пешка. Но наш дурак и наша пешка. Хороший шахматист так материалом не раскидывается. Кроме того, даже я уже знаю, что Домовой опять в двухнедельном запое, а ему зимой пятьдесят пять стукнет... Вскорости он либо въедет на «трех белых конях» в психушку – енотовидную собаку он под собственным столом уже ловил в прошлый раз! – либо вульгарно сыграет в ящик. Многие этого с нетерпением ожидают. Зяблика замочили отморозки из Затона, но! Кто стоит за ними, ты догадываешься?

– Да, – совсем уж мрачно ответил Баранов. – Ожидающие.

– Так вот, Зябликова смерть – предупреждение тебе. Люблю я, грешным делом, русские пословицы. Прямо к нашему случаю: «Кошку бьют – невестке наветки дают!» Бедная кошка. Его десять штук баксов, которые ты вдовице отстегнул, боюсь, уже не радуют. Я тебя не брошу. Пока. Знаешь, почему? Крутить карусель с тобой интереснее, чем с другими, да и дворянская гордость не позволяет, но...

Виктор не хотел бы соглашаться с Епифановым, однако тот был кругом прав. Последние события, а пуще того подводные течения, атмосфера в мире славоярского криминала, которую он чувствовал «верхним чутьем», определенно свидетельствовали – назревают дела кровавые, близится нешуточная схватка, для которой у него, Баранова, пока маловато сил. Если по каким-либо причинам он лишится негласной поддержки Прасолова, его съедят. От этой заползшей ему в душу истины Виктор мучался до мурашек по коже... Еще чуть-чуть, и он станет недосыгаем не только для этих имбецилов, но и... Вообще недосыгаем! Причем Епифанов совершенно прав: Петеньку Птицина по кличке Зяблик угостили автоматной очередью совсем не из-за контрольного наезда на несчастный «Альянс» и даже не для того, чтобы подставить его, Виктора, ментам через общеизвестную с Зябликом связь и совместные делишки. Его враги хорошо знали, что он не пожалеет денег и спустит все на тормозах. Не было никакого убийства, примерещилось вам всем, господа. Сердечная, знаете ли, недостаточность... Труп кремирован под неутешные вопли родных и близких, а про стрельбу на Малой Васильевской никто и не слышал! Какие свидетели?! Чего свидетели?! Медикам пришлось отстегнуть неслабо, да еще и

воспитательную работу провести соответствующую, но до ментовки этот печальный инцидент не дошел. Вроде бы. Пока.

Нет, тут демонстрация сил и намерений плюс «проба пера» – можно ли безнаказно ухай-дакать барановского бригадира? И, конечно, разведка боем – подставили-то противники бросовый материал: затонскую шпану. Которая, правда, отродясь ничего стреляющего страшнее рогатки в руках не держала, а тут, надо же, трещотка нарисовалась... Обкуренных придурков можно хоть завтра утопить в ближайшем сортире, но и сам при этом раскроешься, чего и дожидаются. Но и спускать нельзя, шакалы почуют запах горячей кровушки подранка, и тогда придется совсем хреново! А не попробовать ли по-другому, нестандартно, рискуя? Применить секретное оружие, заодно повторно, уже в Славояре, опробовав его в деле. Там же, на Малой Васильевской. Чтоб сопоставили и призадумались. Зря, что ли, он платит бешеные бабки Дорошенко и, по сути, наполовину содержит идиотскую вольную академию... Разговор же пора заканчивать, Геннадий последнее время стал не в меру догадлив. И любопытен... Ишь, про «Герш-Вестфаленхютте» ему расскажи! А уж про осиновый колышек... Нда-а! Нет у него пока его, а ведь прав Генка, не помешал бы. Слава богу, про московскую акцию Елифанову ничего не известно.

– За предупреждение – спасибо, и твою заботу о моем здоровье я тоже оценил. Относительно же кошек и прочих божьих тварей... На твою поговорку у меня найдется изречение старого, мудрого китайца Лао-цзы. Он как-то говорил ученикам, что очень трудно поймать черную кошку в темной комнате, особенно...

– ...когда ее там нет, – со смаком закончил Геннадий высказывание даосского мудреца. – Но твой китаец не учел еще одной возможности: это если вместо любимой Мурки натыкаешься в темноте на черную пантеру. Тоже кошка. Только большая и голодная. Однако... – Елифанов с хрустом потянулся; лицо его, после дозы «Лимонной», перестало походить на плохо пропеченный блин, голос окреп. – ...однако мы с тобой увлеклись кошачьей темой. Звони Василию Петровичу, пусть подготовит мне пять штук мелкой «зеленью». Так, значит, говоришь, погорят? Н-да...

* * *

Через час с небольшим елифановская «Тойота» цвета мокрого асфальта выруливала на стоянку напротив одной из славоярских школ. Наконец Геннадий достиг цели: с трудом найдя место для машины, захлопнул дверцу и медленной походкой, вразвалку, направился к школьному крыльцу. На ходу Елифанов рассеянно мурлыкал под нос на мотив кальмановского «Цыганского барона»: «Погорят-погорят-пам-пам, погорят-погорят...» Он подошел к стайке тинейджеров, стоящих под широким козырьком у подъезда школы и торопливо перекуривающих, выбрал из них паренька с физиономией, не отмеченной печатью полного дебилизма, и жестом отозвал его в сторону:

– Ну, ты, новое поколение, которое выбирает пепси, что такое десять баксов, знаешь?

– А че-е? – Туповатое удивление на лице вьюноша сменилось робким интересом при виде зеленой бумажки с портретом американского президента.

– Хрен через плечо, – ласково ответил Елифанов, у которого при виде отроков и отроковиц всегда возникало сильнейшее желание немедленно посворачивать их юношеские шеи. – Это вы все знаете, чай, не формула Герона... Вопрос заключается в том, хочешь ли ты их заработать? Нет, не то, что ты подумал, твоя тощая задница меня совершенно не привлекает... У вас учительницу химии, случаем, не Марьей Ивановной зовут?

– Клариссой Мироновой, – проблеял совершенно сбитый с толку поклонник группы «NecropomisoN» и по совместительству «молодая надежда возрожденной России». – А что?

– Жаль, – задумчиво произнес Геннадий. – Нарушается единство стиля. В школьных анекдотах учительница – непременно Марья Ивановна... Однако из твоего ответа я заключаю, что такой предмет, как химия, в твою тупую голову уже пытаются вбивать и, где находится химический кабинет, ты знаешь?

– Ну-у... – протянула «молодая надежда». – А что?

– Рядом с химическим кабинетом есть такая маленькая комнатка, «лаборантская» называется. В ней – полки; на одной из них написано крупными буквами «Metallika». Ты, – подозрительно поинтересовался Епифанов, – читать-то умеешь? Гм! Удивления достойно! Так вот, на этой полке стоит небольшая жестяная баночка, на которой крупно написан вот такой значок. – Он показал тинейджеру вырванный из блокнота листок с жирно написанным химическим символом натрия – Na. – Как ты это сделаешь, меня не волнует, но если до восьми часов сегодняшнего вечера ты занесешь эту баночку по вот такому, – Епифанов достал еще один листок, – адресу и отдашь мне, то получишь еще одну такую же денежку. Вопросы и пожелания будут?

Вьюнош впал в задумчивость – состояние, уникально редкое для поколения, которое выбирает пепси. Он смутно чувствовал, что над ним насмеваются, и насмеваются зло, но понять, в чем и как именно, был решительно не в состоянии. На его глупой физиономии так и читалось мучительное борение с соблазном. И, как это обычно бывает, соблазн победил. В самом деле: десять баксов на дороге не валяются, химичка кабинет на перемену не запирает, один шпиндик из пятиклашек поторчит на атасе, а другой тем временем...

– Только вы мне десятку по одному грину разменяйте, – угрюмо шмыгнув сопливым носом, вымолвил наконец фанат heavy metall.

– Понял, – весело рассмеялся Геннадий. – Исполнителя ты и за пятерку найдешь, риска никакого, и пятера чистого дохода, так? Держи десятку по баксу, дефективный!

– А, что? Я де-фе-ктивный? – с трудом прогундосил ученое слово молодой человек, забирая доллары.

– Это я не подумавши. Ты – разума пример. – Голос Епифанова поднялся до истинного пафоса. – И чести образец. Нет, не напрасно проливали под красными знаменами кровь и сопли деды, прадеды и прочая сволочь! Какая смена растет, это же рыдать от восторга хочется! С такими задатками быть тебе бизнесменом, ежели до той поры не придушит какой добрый человек. До вечерней встречи на рейде, ошибка природы!

Глава 6

... Слева угрожающе – сейчас зацепит! – приблизилась машина мусоросборщика. Гуров рефлекторно вильнул рулем и пережил несколько неприятных секунд, когда машина пошла юзом по мокрому скользкому ноябрьскому асфальту. Уф! Все обошлось. Лев облегченно выругался. Теперь новый сюрприз: с широченной Губернаторской поворот на нужную ему улицу Семенова, оказывается, запрещен. Два перекрестка он уже проскочил, там лопнула канализационная труба. Где теперь искать эту чертову вольную академию искусств и ремесел с мало-оригинальным названием «Поиск»? Город незнакомый, машина незнакомая... Сейчас бы вот еще чуть-чуть, и красней потом перед Бусягиным: увечить чужое имущество – дело нехитрое!

Гуров не был таким упертым и законченным автомобильным фанатом, как Станислав Крячко. Тот со своей жуткой развалиной, бог знает какого года выпуска «Мерседесом», разве только не целовался взасос. О клапанах, поршневых кольцах, карбюраторах, бензонасосах, сортах масла и «тормозухи» Крячко мог говорить часами с той опасной сумасшедшинкой в глазах, что появляется у юного Тристана при виде Изольды. Водителем Стас был изумительным, что называется, «от бога», и однажды его мастерство спасло друзьям жизнь. Лев тоже любил сидеть за рулем хорошо отрегулированной, умной, послушной ему машины – своего привычного, ухоженного «Пежо», но тот дождался хозяина в Москве.

Именно «друг и соратник» и посоветовал Льву воспользоваться его, крячковским, передовым опытом: не связываться с гостиницей, даже ведомственной, а снять жилье на две-три командировочные недели в частном секторе. Попутно обзавестись на этот срок колесами – сыщик без машины в наше время все равно что Д'Артаньян без лошади. Действительно, многие автолюбители ближе к зиме ставят свои «тачки» на прикол, в гаражи. За небольшую, по московским меркам, сумму не столь сложно было найти, по уверениям Станислава, сговорчивого мужичка, который сдаст в аренду свою железную лошадку, а с гуровскими «корочками» да дополнительными полномочиями от самого министра никакие рыцари большой дороги в гибэдэдэшной форме ни ему, ни мужичку не страшны.

И точно, все сбылось как по писаному. Приехав в Славояр позавчера утром, Гуров уже к обеду решил оба вопроса: и с жильем, и с машиной, причем в одном месте. Симпатичный, деревенского вида домик, приютивший его, располагался сразу за вокзалом, на грязноватой и кривоватой улице Ленинских Зорь. Гуров еще диву дался, как это у ретивых переименовальщиков руки не дошли... Его хозяин, семидесятилетний, но крепкий, очень подвижный и жилистый вдовец Андрей Петрович Бутягин, как-то сразу, особенно после внимательного изучения гуровских документов, проникся симпатией ко Льву и сдал ему чистенькую, хотя небольшую, но изолированную комнатку по смешной цене – пятнадцать баксов в неделю, но за первую – деньги вперед! Умиленный такой патриархальностью, Лев отсчитал старику требуемую сумму, после чего тот, в свою очередь, явно обрадованный, предложил снять с Гурова все заботы о пропитании. Лучшего и желать не приходилось! Когда же обнаружилось, что у Буягина имеется старенькая, но вполне на ходу салатного цвета «шестерка», Гуров окончательно решил, что начало славоярской командировки складывается до неприличия удачно: впору стучать по дереву, чтоб не сглазить! Мало того, улица Ленинских Зорь как раз входила в Горьковский район города, и, следовательно, приютивший его вдовец был представителем тех самых избирателей, голосов которых так настойчиво домогался в позапрошлом году Баранов. Лев твердо решил как-нибудь вечером разговорить старика и поинтересоваться его мнением об этом человеке. Опыт научил Гурова не пренебрегать подобными контактами, ведь иногда из двух-трех разговоров с простыми обывателями узнаешь об известной в их городе персоне куда больше, чем из объективов, характеристик и прочего в том же духе.

Уговорить старика временно отдать в чужие, пусть и очень симпатичного полковника милиции, руки свое четырехколесное сокровище оказалось делом нелегким. Но Лев недаром считался в управлении асом прикладной психологии. Он применил «пакетный» подход, столь прославивший американскую дипломатию прошлого века: все или ничего! Или комната, пансион и возможность «изредка» пользоваться бутягинской тачкой, или... Придется ему, несчастному полковнику и грозе бандитов, несмотря на живейшую симпатию к Андрею Петровичу, искать другой вариант. Гуров прекрасно понимал, что старик, два сына которого давным-давно покинули родительское гнездо, изголодался по общению – собеседника «ящиком» не заменишь, – и уже предвкушал долгие, неспешные вечерние разговоры с симпатичным постояльцем, к тому же не каким-нибудь молодым шалберником, а человеком в возрасте и чинах! Лев вспомнил одну из любимых фраз Станислава: «Без людей человек дичает!» Правда, Крячко изменил бы своей натуре, если бы не заканчивал сию сентенцию столь же безапелляционно: «А с людьми – звереет!»

Увидев, что сомнения продолжают грызть Бутягина, Лев сделал неожиданный ход, говоривший о том, что он прекрасно разбирался не только в психологии людей вообще, но и автолюбителей в частности. Вместо обычной арендной платы Гуров предложил оснастить багажник бутягинской «шестерочки» новым голландским замком с тройной гарантией от взлома, запаской и новым же домкратом! Старик прямо-таки увидел внутренним взором эти блестящие, без единой царапинки, автоцапки и сопротивляться обольстителю уже не мог... Лев закрепил успех клятвенным обещанием, что его друг – виртуозный автомеханик, а по совместительству сыщик Станислав Крячко – вот только как появится, так лично переберет пошаливающий карбюратор «жигуленка». Гуров вовремя вспомнил о «друге и соратнике». Тому, когда он прибудет в Славояр, тоже нужно будет где-то жить... Лучше уж вместе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.